Андрей Константинов

Юность Барона

ОБРЕТЕНИЯ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К65

Серия «Мастера криминальной прозы»

Оформление обложки: *Юлия Межова*

Андрей Константинов при участии Игоря Шушарина

Константинов, Андрей Дмитриевич

К65 Юность Барона. Книга вторая: Обретения / Андрей Константинов.— Москва: Издательство АСТ, 2016.— 318, [1] с.— (Мастера криминальной прозы).

ISBN 978-5-17-096121-4

Всем, кто смотрел легендарный телесериал «Бандитский Петербург», небезынтересно будет узнать, что один из ключевых персонажей фильма — старый вор в законе по прозвищу Юрка Барон, блестяще сыгранный Кириллом Лавровым, в молодости прошел через невероятнейшие жизненные испытания, которые в итоге и предопределили его трагический конец. А начиналось все еще в довоенном Ленинграде, когда подросток Юра был пионером, мальчиком из интеллигентной семьи. И его судьба могла сложиться совсем по-другому, кабы не крестный его матери, некогда персональный шофер самого Ленина, имевший неосторожность написать исключительно крамольную по тем временам рукопись...

Итак: 1962 год. Совершив удачную квартирную кражу в столице, Барон уезжает в маленький провинциальный городок, где в годы войны затерялись следы младшей сестры Ольги. Барон не подозревает, что его бурным прошлым плотно заинтересовались не только в ленинградском уголовном розыске, но и на всемогущей Лубянке.

«ЮНОСТЬ БАРОНА. ОБРЕТЕНИЯ» — вторая книга нового цикла Андрея Константинова.

Подписано в печать 29.04.16.
Формат 84 × 108 $^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 16,8.
Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Андрей Константинов, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

— Я скоро приеду! Слышишь? Жди меня!
Я очень скоро приеду за тобой!
О-БЯ-ЗА-ТЕЛЬ-НО ПРИ-Е-ДУ!!!..

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Приееду — приееду — приееду...» — отстукивали по гладким рельсам пульсацию сердца колеса. И все так же пролетали за окном громоздящиеся друг на друга черные, плотные шеренги лесов.

Подмосковье плавно и незаметно перетекало в Ярославщину.

Барон докурил папиросу до самых кончиков обожженных, несмываемой желтизны пальцев, вдавил окурок в служившую пепельницей консервную банку и толкнул дверь. Узенькими тропками, в одних вагонах — по коврам, в других — деликатно огибая свесившиеся в проход ноги спящих, зашагал в хвост состава, отыскивая ресторан.

В очередном тамбуре он наткнулся на хмельного, лет двадцати семи парня. Короткостриженого, с характерной железной фиксой и с представительским «Б О Р Я», наколотым на правом запястье. Сама пятерня в данный момент сжимала ополовиненную чекушку. Явно не первую за сегодняшний день.

Выдернув из горлышка газетную затычку, парень изобразил приглашающий жест — мол, не желаешь?

Барон отрицательно качнул головой.

Пожав плечами (дескать, было предложено), парень принял внутрь большой глоток, поморщился, рыгнул, не без усилия, но удержал горячительное содержимое в себе. После чего аккуратно заткнул бутылку и убрал во внутренний карман линялого пиджака.

— Стесняюсь спросить: на папиросы не богаты?

— Богачом себя не ощущаю, но имеются.

— Будь другом, дай твоих покурить? — распознав своего, попросил Б О Р Я.— А то чужие надоели.

— Тебе бы сейчас не папиросу, а супу похлебать. Пока совсем не развезло,— заметил Барон, доставая портсигар.— Держи. Спички-то есть?

— Благодарствую. Уж этого дерьма...

Парень жестом фокусника чиркнул спичку о грязный сломанный ноготь.

Профессионально, по-блатному, закурил в кулак.

— А супу — да, оно бы неплохо. Но другим разом. Потому как «подари́шь» уехал в Париж, остался только «купи́шь».

— Понятно. Давно от Хозяина?

— Третьи сутки на перекладных. Ша! А ты откуда... весь такой осведомленный?

— Интуиция.

— Чего сказал?

— Я говорю, догадался. За что чалился?

— За недоразумение.

— Приятно поговорить с образованным человеком. Домой направляешься?

— Не домой, но через: заскочу на пару деньков в родные края. Имею желание сперва за Галькины дойки подержаться, а после к председателю зайти. Оченно хочется услышать в его исполнении популярную песню.

— Ну, про Гальку понятно. А что за песня?

— «За-а-чем он в на-ааш колхо-оз приеха-ал? Зачем на-аа-рушил на-аш по-окой?»

— Так ты, выходит, пейзанин?

— Ты это чем щас в мою сторону швырнулся? — напрягся парень, учуяв насмешку.

— Я говорю, труженик полей?

— Агась. Труженик. По чужим лейкам.

— Пойдем, Боря, составишь компанию. Я как раз в вагон-ресторан направляюсь. Супом угощу. За вкус не ручаюсь, но горячо будет.

— А ничё что я небритый?

— Если морду в *шлёмку* макать не станешь, может, и обойдется.

Парень глумливо сложил ладошки домиком:

— Обзовись, благодетель?!

— А зовут меня просто — Демьян Зосипатыч. Пошли...

Через пятнадцать минут Борис, держа тарелку на весу, жадно хлебал фирменный, от шеф-повара, московский борщ с якобы копченостями, одновременно с воодушевлением поглядывая на порцию только что принесенных официанткой сосисок с зеленым горошком. Барон, пока не подоспели заказанные биточки, коротал время за пивом — теплым, но на вкус

относительно свежим, и изучал глазами посетителей кочевого ресторана.

Таковых в этот близкий к полуночи час было немного: чинно вечеряющая благообразная супружеская пара, в одиночестве опустошающий штофик коньяка типичный командировочный да шумная компашка, представленная двумя старлеями-летунами, закадрившими попутчиц-студенток. Возвращающиеся из отпусков господа офицеры, держа марку, заказали на десерт шампанское и фрукты, наверняка изрядно облегчив тем самым содержимое своих кошельков. Это ведь только в песенной интерпретации «летчик высоко летает — много денег получает». Опять же, в концовке отпуска на кармане у правильного служивого человека редко остается больше чем на такси и на опохмельное послевкусие.

Летуны взахлеб травили байки, активно помогая себе руками, а девицы шумно охали, не забывая при этом налегать на виноград.

— Уф-ф! Люблю повеселиться, а особенно — пожрать!

Борис отставил пустую тарелку и с выражением блаженства на лице откинулся на спинку диванчика.

— Как супец?

— Борщец — зашибец! Хотя здешний *ложкарь*, по ходу, приворовывает. По крайней мере без казенного мяса всяко не сидит.

— Раз не сидит, значит, когда-нибудь сядет.

— Ему только на пользу. Но все равно последний раз я такой наваристый супец годика эдак полтора взад пробовал,— Борис задумался.— Могу даже

конкретное число назвать: в ночь на 24 февраля тыща 961 года.

— Это что ж вам, по случаю праздника рабоче-крестьянской красной армии, усиленную пайку замастырили?

— Как же, дождесси от них. Но ход мысли, Демьян Зосипатыч, правильный. В честь праздника *духи* тогда перепились люто. Утратив не только ум, честь и совесть, но и бдительность. Вот мы тогда, под шумок, кобелька конвойного — во-от такенный загривок, ростом чуть повыше пóней в цирке, а злющий — уууу! Короче, прямо в питомнике его удавили, вынесли и на мясо пустили. Ох и пируха была!

— Мерзость какая! — Барон покосился на и без того не шибко аппетитно выглядевшие, скукожившиеся от перевара сосиски.— Ты бы повременил с воспоминаниями? А то я после таких подробностей спокойно пожрать не смогу.

— А чё такого? Мясо-то тока по нормам положенности проходило. Да и то... куда-то мимо проходило. А в лагере голод не тетка — всякого заставит совесть съесть. Не то что кобеля. Знаешь, никогда бы не подумал, что с овчарки такой козырный навар получается. А уж стюдень с костей!

— Я ж тебя как человека прошу! Вон, разлей лучше, остатки-сладки.

— Это мы завсегда! — Борис с готовностью схватил графинчик, идеально ровно раскидал водку по стопкам.— Нас просят — мы делаем. Давай, Зосипатыч, выпьем. За первого приличного человека, засветившегося на моем горизонте за последние четыре года и три дня.

— Неужто в лагере на всю кодлу ни одного приличного не сыскалось?

— Не-а. Правильные были, а вот приличных...

— Разжуй, будь ласка? Дико интересно: в чем принципиальная разница?

— Легко.

Борис опустошил стопку, застыл, прислушался к чему-то, а затем поднялся и, нимало не конфузясь, пояснил:

— Тока я, это, сперва до толчка добреду. Облегчусь. А то после казенной пищи мои кишки с ресторанного борща от изумления симфоническую музыку заиграли.

Слегка покачиваясь, Борис направился в конец вагона.

Проходя мимо столика, за которым ужинала супружеская пара, он считал с лица женщины неодобрительное, даже брезгливое выражение и, намеренно громко пустив газы, затянул:

— За-ачем он в на-аш колхоз приехал? Зачем, а гла-авнае — на ко-ой?

«Пейзанин и есть!» — хмыкнул Барон и принялся расправляться с наконец-то поданными биточками.

— **...Я,** конечно, ничего не хочу сказать. Чкалов был великий ас,— заносчиво горячился летун, которого приятель шутливо называл Валентулей.— Но пролететь под мостом на самом деле не так уж и сложно. У нас, в армавирском училище, маневры на малых высотах...

— Ну-ну. Поглядел бы я, как ты на МиГе станешь маневрировать. Под мостом.

Поглощенный поглощаемыми биточками Барон не прислушивался намеренно к чужим разговорам, но летуны в данный момент заговорили чересчур эмоционально. По всему было видно, что этот их спор носит характер давний и принципиальный.

— А что такого? И на реактивных истребителях вполне можно летать так, как Чкалов. Главное, правильно определить расстояние до воды. Скажем, метр держать воду. Пилотажная скорость, самая оптимальная,— 700. И — вперед.

— Вперед к могиле. В лучшем случае к трибуналу.

— Да при чем здесь могила?! Я ж тебе говорю, при скорости в 700...

— А ты себе, хотя бы визуально, расстояние между мостовыми опорами представляешь?

— Разумеется.

— А ты в курсе, что человеческое зрение устроено так, что при подлете расфокус дает не расширение, а сужение пространства?

— Допустим. И чего?

— А того, что частичная потеря ориентации стопроцентно гарантирована. Это раз. Второе: на твоих, как ты говоришь, оптимальных семистах машину начинает...

— Мальчики! Снова вы про свои самолеты,— капризно надула губки одна из барышень.— Нам скучно!

— Ничего не поделаешь, Милка,— показно вздохнула ее подруга.— Об этом даже в песне поется. У них первым делом — самолеты, ну а девушки...

— Неправда! — возразил заносчивый.— В отпуске девушки у нас исключительно на первом. Равно как они же на втором и на третьем местах.

— Отставить скуку! — скомандовал сомневающийся.— Давайте-ка еще шампанского выпьем. Милочка, солнышко, будьте любезны, разделите вон то симпатичное яблочко на общее количество пайщиков. Пока Валентуля его в одно жало не прикончил.

— Я не понял? Что за наветы?!

Солнышко покорно взяло большое красное яблоко, разрезало его пополам и... взвизгнув, смахнуло обе половинки на пол:

— Мамочки! Червяк!

Летуны дружно загоготали.

— Не червяк, Милочка, а мясо.

— Во-во, надо его на кухню. Повару.

С этими словами соискатель лавров Чкалова носком ботинка пнул ближайшую к нему яблочную половинку в направлении буфетной стойки.

Наблюдавший за этой сценой Барон встал из-за стола, дошел до буфета, поднял с пола сперва один, затем второй кусок и обратился к гуляющей компании:

— Вы позволите?

— Да пожалуйста. Угощайтесь.

— Спасибо.

Барон возвратился за столик, тщательно протер яблоко салфеткой и положил перед собой.

— Мужчина, может быть, вы голодны? — не удержалась от колкости Милочка, она же солнышко.— У нас есть хлеб и колбаса.

— Благодарю. Я буду иметь в виду.

Барон не обиделся — эта веселая четверка была ему симпатична. Особенно Валентуля, с такой зара-

зительной убежденностью рассуждавший о возможности пролета под мостом на реактивном истребителе. Иное дело, что, хотя по возрасту молодые люди и являлись, как и он сам, детьми войны, однако ленинградцев среди них не было. Потому как эти ребята явно не в курсе, что вот уже многие годы в его родном городе с человеком, брезгливо отправившим в помойку еду, прекращают общение и стыдятся знакомством.

Барон рефлекторно сложил половинки яблока в единое целое и вдруг подумал о том, что оно удивительно похоже на то самое, крымское, во многом благодаря которому он и познакомился с Гейкой.

А случилось это в первых числах сентября 1941-го.

В те дни, когда еще никто и представить не мог, сколь глубока окажется та чаша испытаний, что вот-вот предстояло испить защитникам и жителям осажденного города.

Ленинград, сентябрь 1941 года

Хоть Юрка и не собирался сегодня идти в школу, создать убедительную видимость было необходимо. Чтобы бабушка ничего не заподозрила. Поэтому он тщательно сымитировал в комнате традиционный творческий беспорядок утренних сборов, благо комната у него теперь имелась своя, отдельная. Бывшая родителей. Чьи портреты по-прежнему продолжали висеть над кроватью в обрамлении остального семейного фотоиконостаса.

Кстати сказать, в 218-й Юрке решительно не понравилось. И учителя здесь какие-то угрюмые, а то

и вовсе злые. И одноклассники не чета прежним — все больше особняком, каждый сам за себя держится. В общем, в сравнении с родной «первой образцовой» — день и ночь [1]. Хорошо еще, что у Саньки с матерью не получилось уехать в эвакуацию. Вернее, им-то самим, может, и плохо, но зато у Юрки остался в Ленинграде старый приятель. Правда, теперь в один с ними класс ходит еще и Постников, но этот, разумеется, не в счет. С ним у Юрки в последнее время наоборот — сплошные контры. И хотя до выяснения отношений посредством кулаков дело еще не доходило, но уже близко к тому.

Ядвига Станиславовна заглянула в тот момент, когда Юрка запихивал в планшетку (подарок деда Гиля) тетрадки.

— Юрий! До первого звонка осталось двадцать минут.

— Успею.

— Галстук-то у тебя мятый, словно жевал кто. Я же вчера весь вечер глажкой занималась, почему не сказал?

— Да нормальный. Сойдет.

---

[1] Первая образцовая школа, она же школа № 206, находилась (и находится по сей день) на наб. реки Фонтанки, 62. С началом войны школу временно закрыли, на ее базе был развернут эвакопункт и приемник-распределитель для детей. Большую часть учащихся 206-й организованно вывезли в эвакуацию, а оставшихся в городе учеников раскидали по соседним школам. В случае с Юркой речь идет о новой, открытой в 1940 году, школе № 218 (ул. Рубинштейна, 13; в наши дни в этих стенах работает детский театр «Зазеркалье»). В мае 2015 года в холле театра открыта мемориальная доска в память об учениках и преподавателях школы, погибших при артобстреле 18 мая 1942 года.

— У тебя все сойдет,— проворчала бабушка.— На вот,— она протянула внуку два квадратика печенья.— Скушаешь на переменке.

— Не надо, нас же кормят. Отдай лучше Ольке, она их страсть как любит.

— Ольга голодной не останется. А тебе, чтобы хорошо учиться, нужно больше кушать.

— Не вижу связи.

— Юрий! Не дерзи!

— Ладно.

Юрка принял от бабушки печенье, запихал между тетрадей.

— Всё, я пошел.

— После школы, пожалуйста, сразу домой. Не шляйтесь нигде со своим Зарубиным. Я вчера в очереди слышала, что на Роменскую снаряд залетел — так больше десяти человек раненых. И все больше дети.

— Так где Роменская и где мы?

— Юрий! Ты опять?

— Ладно.

— Оленьку я приведу с обеда. У вас сегодня во сколько уроки заканчиваются?

— Я точно не помню,— соврал Юрка.— Около двух, кажется.

— Вот видишь, почти час ей придется оставаться одной в квартире. А она еще не привыкла к такому, страшно ей.

— А чего там с садиком? Не слышно?

— Обещала Мадзалевская похлопотать,— Ядвига Станиславовна тяжело вздохнула.— Сегодня после работы снова к ней наведаюсь, если застану. Не